

Материалом рецензируемой книги послужили типологически, а возможно и генетически родственные языки, по традиции именуемые алтайскими. Авторский коллектив из шести человек включает известных и молодых ученых во главе с опытным исследователем и организатором научных изысканий широкого диапазона М. И. Черемисиной. Задача исследования заключается в том, чтобы в сопоставлении со структурой хорошо разработанного сложного предложения в русском языке выявить основные принципы полипредикативного предложения в последовательно агглютинативных языках. Имеется в виду учесть общие закономерности агглютинативного строя в организации сложного предложения.

Нам представляется оправданным рассмотрение полипредикативного предложения как сочетания минимум двух простых предложений или их аналогов (мы бы сказали: двух баз), из которых одно (главное) стоит в независимой форме, а другое осложнено какими-то показателями зависимости между базами. Парадоксально, что вместе с усложнением происходит упрощение, свертывание синтагматической сложности всей зависимой ПЕ (предикативной единицы) и парадигматического многообразия категорий глагола-сказуемого. То, что в русском и английском языках передается союзами и менее дифференцированно инфинитивными и (де)причастными оборотами и комплексами, то, что в английском языке выражается предложно-герундиальными оборотами и комплексами, в алтайских языках находит выражение в падежно-причастных построениях. Это и есть предикативное склонение, в понятиях и терминах которого перед нами предстает полипредикативное предложение. Если русское (несубстантивированное) причастие, склоняясь, выражает только согласование с господствующим определяемым, то склонение предикативных причастий в алтайских языках несет самостоятельную семантическую нагрузку — оно выражает связи в полипредикативном целом. Это и есть склонение предложений, которое свойственно алтайским языкам.

В книге «задействованы» хакасский, алтайский и сильно монголизированный тувинский язык тюркской ветви, бурятский язык монгольской ветви и эвенкийский и маньчжурский языки тунгусо-маньчжурской ветви. Это первое описание полипредикативных построений некоторых из этих языков. Из него

явствует, какое большое значение в функционировании каждого из рассматриваемых языков имеют склоняемые причастия, представленные с большой степенью детализации. Авторы сумели показать все основные специфические черты предикативного склонения в анализируемых языках, например, сохранение тюркского падежа на -*ча* со значением предела и сравнения (с. 136). Система падежей причастия убедительно увязывается с развитием падежей вообще. Удачно выполнены главы о сходстве и различии в употреблении падежей предикативного склонения в алтайских языках. Схемы и таблицы хорошо дополняют основной текст и показывают, насколько глубоко авторы разобрались в существе вопроса.

Совершенно уникален материал по тюркским языкам Сибири, — такого количества примеров еще никому не доводилось собирать. Это позволило исследователям установить, какие из тюркских причастий, в каких языках могут принимать падежи, а какие не могут, а также выявить тончайшие оттенки смысла у близких причастий. Так, в тувинском языке причастие еще не совершившегося действия на -*галак/-гелек* с аффиксом местного падежа передает значение «пока еще не», а в отрицательном варианте -*баалак-та/-бээлек-те* означает, что интервал до осуществления события сокращается еще больше (с. 149).

Выявление сходных тенденций в агглютинирующих языках имеет огромное значение для разработки общего синтаксиса полипредикативного предложения. При широком подходе к проблеме концептуальный аппарат «Предикативного склонения...» может быть успешно использован для описания однофункциональных построений совершенно иного типа.

Работа состоит из предисловия, семи глав и заключения. Кроме общей установки, концепции, первые две (теоретические) главы излагают задачи книги, характеризуют материал исследования, методику его сбора и обработки. Остальные главы посвящаются не отдельным языкам или группам языков, а падежам, так как общее направление работы не в сторону фиксации специфики каждого языка (хотя и в этой области сделано немало), а создания общей теории, на основе которой можно будет подробно изучать сами языки. Материал членится не чисто формально, по падежам, а функционально, т. е. в зависимости от той роли, которую выполняет падеж:

приглагольную, актантную, приглагольную сирконстантную, применную.

В монографии обнаружилось формально-противопоставленные и проходящие по всем языкам, т. е. типологически значимые, подклассы моделей, условно говоря «действительность — действительность» и «действительность — сознание». Первые выражают отношения между событиями объективного характера, например, время, обусловленность. В них «обстоятельные», неуправляемые падежи реализуют собственную семантику, и конструктивным центром модели являются их сочетания с определенными глагольными формами, т. е. наблюдаются закономерные ограничения на выбор временных форм. Эти сочетания часто расценивают в алтаистике как деепричастия. Второй подкласс моделей выражает различного рода взаимодействия человеческого сознания с действительностью: отражение, реакции и т. д. Конструктивный центр модели, управляющий модусный предикат именует некоторое состояние человеческого сознания или его результат, например, оценку, и требует определенной падежной формы у ЗПЕ (зависимой ПЕ), которая пазывает ситуацию действительности. Семантика падежа ЗПЕ в этом случае совсем иная, чем в первом подклассе.

Отметим, что об этом же писал, например, В. В. Мартынов [1]. Значит, идея о наличии этих двух подклассов «носи-лась в воздухе», и к ней с разных сторон и на разном материале подходят исследователи. Конечно, между подклассами нет резкой грани. В каждом подклассе можно выделить типологически близкие под-подклассы, оформляемые типологически сходными средствами. Выявляется четкое противопоставление семантики управляемых падежей.

Аналогично расходятся и неуправляемые падежи. Интересно взаимоотношение значений времени и причины, роль отрицания в ЗПЕ и другие проблемы (о чем ниже), причем некоторые черты характерны для всех шести языков, а другие разделяют или объединяют языки в пары, тройки, четверки в разных сочетаниях. Но при рассмотрении любых частных особенностей языка или группы языков описание всегда ориентируется на общетеоретические выводы. Книга продолжает разработку общей теории падежа, включая ролевой подход.

В главе III аккузатив описывается как падеж, противопоставленный всем другим косвенным падежам. Тут же номинативный строй предложений сопоставляется с эргативным и активным. В этой и последующих главах

падежи причастия связываются с семантическими группами глаголов главной части, так что работа служит одновременно полигоном для разработки семантической классификации глагола. Значение глагола связывается с синтаксическими свойствами, дистрибуцией и частными особенностями ЗПЕ.

В книге читатель найдет сплошное и полное описание условий, в которых возможны ЗПЕ. Основное внимание уделяется не самой единице и ее внутреннему устройству, а той макроединице, в которой она употребляется. При этом учитывается семантико-коммуникативный эффект всего построения, не произошло ли «вырождения» господствующей части в модусный ввод, обслуживающий формально ЗПЕ, т. е. не исчезла ли бипредикативность.

Само понятие «предикативное склонение причастий» было введено Е. И. Убратовой на якутском материале [2, 3]. Авторы рецензируемой книги развили это понятие, трансформировали его, а главное, показали, что оно характерно для синтаксиса полипредикативных предложений всех алтайских языков как по технике оформления, так и по выполняемым функциям, несмотря на различные индивидуально-языковые и групповые отклонения. Глагол образует конструктивную вершину предложения, и в ЗПЕ он обязательно стоит в конце. Принимая падежное окончание, он тем самым указывает на синтаксическую зависимость всей ЗПЕ. Предикативное склонение — это строевое средство введения одной ПЕ в состав другой в качестве актанта или сирконстанта (иногда еще с помощью абстрактного имени, приближающегося к послелогу). При этом происходит предикативная номинализация, т. е. транспозиция предложения в имя.

Известно, что в алтайских языках грань между личными и неличными глаголами не такая четкая, как в хорошо описанных индоевропейских. Многие причастия, оформленные показателями лица и числа, равноценны личному глаголу и могут вводить независимые ПЕ. Но М. И. Черемшина и ее группа четко выделяют объект исследования, поскольку есть несомненные финитные глагольные формы (тюркская на -ды и бурятские на -на и -ба), неспособные употребляться в описываемых построениях, и причастия в исследуемой функции употребляются с маркером какого-либо падежа и с лично-посессивными показателями или их эквивалентами. В алтайском языке исчезает полностью различие между личными и неличными формами глагола, поэтому предикативное склонение маркируется только лишь падежными окон-

чаниями. Это, с точки зрения авторов монографии, предел предикативного склонения и, добавим от себя, наиболее простое и экономное средство выражения взаимоотношения двух ПЕ. Другим плюсом, уже не синтетическим средством, а чисто аналитическим, но таким же простым и экономным, являются адвербиальные союзы *когда, если, так как, хотя*, которые связывают два независимых предложения в одно сложноподчиненное без какой-либо перестройки (по крайней мере, в русском и английском языках).

Очень существенно и то, что в предикативном склонении все структурно-смысловые морфемы: падежные, притяжательные, абстрактные и служебные имена (при зависимом причастии в притяжательном падеже) имеют те же собственные значения и выполняют те же функции, что и в простом предложении.

Противопоставление актантных и сирконстантных функций ЗПЕ, о которых упоминалось выше, влияет на внутреннее строение ЗПЕ и языковую группировку. В сирконстантной функции абсолютные значения времени и модальности имеют тенденцию переходить в относительные. В тюркских языках по-разному оформляется само причастие и его внутреннее подлежащее. В обстоятельственной роли внутреннее подлежащее стоит в неопределенном падеже, а в роли одного из актантов — нормативно в притяжательном.

Тот факт, что оформление ЗПЕ отличается от конечного сказуемого, был отмечен в статьях отдельных участников авторского коллектива с начала 80-х годов. Но только в данной книге впервые систематизируются отдельные выводы и излагается предикативное склонение как единая система. Центром ее является «треугольник» взаимосвязанных и взаимно противопоставленных падежей: винительный — дательный с исходным — неопределенный, описанных в III, IV, V главах. Винительный в алтайских языках используется в качестве грамматической формы представления информации как объекта оперирования после глаголов *знаю, вижу, слышу, сказал, забыл, вспомнил* и т. д. Дательный — это форма представления событийного объекта эмоционального переживания и эмоциональной реакции (*рад, недоволен, жалею, возмущен* и пр.). Исходный используется для выражения негативных реакций отталкивания. «Вершину» треугольника составляет неопределенный падеж. Это форма событийного подлежащего. В книге описаны типы конструкций, связанные с этой формой. Это два типа с двумя основными подтипами. Первый тип употребляется при конечных сказуемых, вы-

раженных залоговыми формами глаголов, управляющих в активе винительным, дательным и исходным падежами. Производные прямо-переходных глаголов малочисленны, часто теряют глагольность, но зато частотны (слова с семантикой «ясно, понятно» и с глагольными основами типа *бил-«знать»*). Формы понудительного залогов от эмотивных глаголов дают конструкции типа русских с базовыми глагольными формами. Событие «каузирует» эмоциональную реакцию говорящего (ср., например, конструкцию типа *То, что вы помирились, рабует меня*). Такие формы легко образуются от любого эмотивного глагола, но их употребительность в речи-текстах очень низка (большинство примеров собрано не в текстах, а от информантов). Второй тип распространен при оценочных предикатах. Подтипы в нем выделяются по тем же линиям — чистая оценка: «хорошо/плохо» и ее аналоги: «грех, преступление, заслуга» и т. п. Сюда же примыкают и «логические оценки» типа «ясно, понятно». Другой подтип — это «эмоциональные оценки»: «приятно, радостно, смешно, отвратительно, страшно, боязно» и пр. Здесь границы менее четкие и между подтипами более плавные переходы. Главная часть таких предложений, передающая значения «равносильно, означает, хорошо, я вижу, знаю, ему приятно, он возмущен» и пр., выражает психические процессы и действия, отношения в процессе интеллектуальной «обработки» событий, утверждения о событии. А в ЗПЕ содержится не само событие, а «информация о нем, его отражение в человеческом сознании» (с. 178). Далее в главах VI и VII авторы представили все остальные падежи. Они тоже могут быть управляемыми, и круг глаголов, связанных с каждым из этих предикативных падежей, очерчивается довольно детально, хотя описываемые общности менее целостны. Локальные падежи — дательно-местный, дательный, местный и исходный (отложительный) в обстоятельственной функции используются в первую очередь для передачи временных значений.

Таким образом, выявляется вполне определенный пласт таких полипредикативных предложений, где ЗПЕ управляется конечным сказуемым (не обязательно глаголом). Предикат требует от ЗПЕ определенного (в частности неопределенного!) падежа. И по семантике глагола можно довольно уверенно предсказать падеж.

Хочется обратить внимание на вывод, к которому пришли авторы по поводу функционирования ЗПЕ в притяжательном (род. падеже). Они употребляют

при именах широкой, «категориальной» семантики и «при служебных именах, функционально близких к послелогам» (с. 164). При этом определяемое, формально принадлежащее господствующей ПЕ, фактически перетягивается в ЗПЕ в качестве средства выражения связи между ними. Все эти явления манифестируют динамическую синтаксическую универсалию «сдвиг границы ЗПЕ влево», т. е. увеличение ее протяженности за счет господствующей ЗПЕ с появлением новых эквивалентов подчинительных союзов. Определяемое имя своей семантикой подводит целую ситуацию, выраженную в ЗПЕ, под определенную категорию и этим передает ее роль в господствующей ПЕ и отношение к ней. Вся ЗПЕ из класса определительных переходит в другой класс: причинных, следственных, целевых или временных в соответствии с семантикой категоризатора. Еще ярче происходит «сдвиг влево», если имя относится к служебным, например, бурятские — *х-ын орондо* «вместо того чтобы», *-нан хойно*, *-х-ын хойно-ноо* «после того как», *-нан тула*, *-х-ын тула* «чтобы».

В книге рассеяны интересные наблюдения и этюды, например, описание и анализ «русского типа склонения», т. е. словоизменения флексивного типа по сравнению с «алтайским» и «японо-маньчжурским» (с. 35). На с. 124—127 разрабатывается логическая система оценочных суждений и тут же применяется к материалу алтайских языков. Обосновывается тонкое логико-семантическое разграничение причины и стимула, цели и прогноза.

В работе можно найти отдельные недостатки, вызванные тем, что эта монография коллективная. Некоторые параграфы, например, § 2 в гл. VII, могли бы быть написаны более компактно, без повторения сходных выводов по разным языкам. Определенная опасность заложена в полевом методе сбора материала. Если информанту, обычно билингву, предлагается дать эквивалент русского построения, он волей-неволей калькирует русскую конструкцию. Синтаксис сложного предложения — очень тонкая область исследования, где методика сбора первичного материала должна быть предельно отточена.

Нельзя сказать, что во всех языках ЗПЕ оставались без внимания. Например, в монгольских языках их структура и взаимоотношения с господствующей ПЕ описаны довольно подробно, хотя и в иных терминах (см., например [4, 5]). Но об этом ничего не сказано.

Вопрос о наличии неформальных падежей в тюркских и монгольских языках очень сложный, спорный и до конца не

решенный. Поэтому, отвергая имеющиеся точки зрения, следует хорошо это обосновать, а не ссылаться на единичный русский пример *снегозадержание*, вовсе не характерный для алтайских языков.

На с. 31 сказано, что в тюркских языках аффикс *-ды* является исходным показателем виш. падежа безличного склонения, из которого, якобы, фонетически не выводится показатель того же падежа в 3-м лице притяжательного склонения *-ын/-ин*. Это не совсем так, поскольку *-ды* — один из фонетических вариантов этого аффикса, основной формой которого является *-ны* во всех тюркских языках.

На с. 68 приведена тувинская основа *сакт-* «помнить», что неточно, так как основой этого глагола в тувинском языке, как и во всех тюркских языках, будет *сагын-*. Особенностью тувинского языка является то, что при наращении к подобным основам аффиксов с гласным началом происходит редукция узких гласных глагольной основы, а затем переассимиляция согласных, оказавшихся рядом. Например, форма причастия будущего времени *сактыр* (*сагын-* > *сагыныр* > *сагыныр* > *сакыныр* > *сактыр*). Поэтому в тувинском языке нельзя получить исходную форму только путем механического отбрасывания показателя условного словарного инфинитива, как это делается в рецензируемой монографии.

Отметим более мелкие недочеты. Редко, но встречаются сомнительные примеры. Например, на с. 42 в бурятском примере (10) *Тиигээд бэдэржэ...* после слова *байлыг* не хватает причастия *олоходо*, а на с. 88 пример (48) *Тэрэ газарай ...* неудачный (вм. *газарай* следует употребить *газарта*) и перевод его неточный. Требуется уточнения перевод на с. 94 (100): «невестки ее не любили...», надо «зять и невестка...».

Может быть, следовало оговаривать несколько книжный характер отдельных предложений с предикативным дополнением, например, *Дамба хоригыгшье оролдоогүй хэн* на с. 74 (более привычно *Дамба хорихо гэжэ оролдоогүй хэн*); см. также с. 90 (64), с. 95 (102).

В книге есть, к сожалению, случаи неточного морфемного членения бурятских словоформ. Так, например, *мэдээдхи-ба* вм. *мэд-ээд-хи-ба* (с. 72, строка 5 сверху), а также неверно представленные бурятские основы (например, *атаар* вм. *атаарха-* на с. 83) и словоформы (например, *харалсагүйгөөр* вм. *харалсангүйгөөр* на с. 130, строка 24 сверху).

Но эти мелкие упущения ничуть не умаляют явных достоинств книги, ее большого научного значения для общей теории полипредикативных единиц, компаративистики и других областей языко-

знания, достоинств, которые трудно переоценить. Можно только пожалеть, что она вышла таким небольшим тиражом (800 экз.) и недоступна читателям, не знающим русского языка.

*Биренбаум Я. Г., Рассадин В. И.,
Шагдаров Л. Д.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынов В. В. Категории языка. Семнологический аспект. М., 1982.
2. Убрятова Е. И. Исследования по син-

таксису якутского языка. II. Сложное предложение. Кн. 1—2. Новосибирск. 1976.

3. Убрятова Е. И. Предикативное склонение в якутском языке // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981. С. 3—11.
4. Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962. С. 117—177.
5. Дондуков У.-Ж. III. Об изучении грамматического строя бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1969.